

Тенденции к аналитизму, или предпосылки?

Л.И. Маршева

Русский язык является языком синтетическим, то есть имеет прежде всего разветвленную систему падежных противопоставлений и характеризуется разнообразием в средствах выражения грамматических значений (флексии и предлоги, интонация, порядок слов).

Однако в русском языке обнаруживаются и некоторые тенденции к аналитизму — отдельному выражению лексического и грамматического значений: первое передается в пределах слова, второе — вне него, а именно с помощью вспомогательных слов и средствами контекста.

Проблеме аналитизма вообще и особенностям словоизменения географических названий на *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* в частности посвящено много работ¹.

Различные публикации содержат противоречивые сведения и рекомендации. Их неоднородность и запутанность, среди прочих объективных и субъективных причин, объясняется еще и тем, что исследователи зачастую забывают о различии письменной и устной речи.

Так, еще в издании 1962 г. М.В. Панов писал, что «сквозь все запреты пробивается стремление не склонять некоторые разряды собственных имен». Это, по его мнению, относится к таким случаям, как: а) *подошел к Михаилу Перегост*; б) *жили около Кузьмино, недалеко от Дно, около Москва-товарная*; в) *у Москва-реки*; г) *Макаренко, Ильченко*; д) многие аббревиатуры².

Толчком к формальному слиянию падежей послужили вполне конкретные обстоятельства: в годы Великой Отечественной войны в служебных документах и информацион-

Маршева Лариса Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры славяно-русской филологии ПСТБИ.

ных материалах склонять географические названия запрещалось, чтобы избежать малейшей неясности относительно их исходной формы.

Однако в указанном перечне наиболее ярких фактов «непадежности» топонимы на *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* отсутствуют³.

В обобщающем социолингвистическом исследовании того же периода констатируется безусловное преобладание в живой речи изменяемых форм. Но данный факт совершенно неожиданно квалифицируется как искусственное правило⁴. То есть несклонение топонимов с формантами *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* выдвигается на роль устойчивой тенденции. И получается, что ученые открывали дорогу этой тенденции в устную речь и при этом совершенно забывали, что в военные годы несклоняемость географических названий практиковалась только в письменных текстах.

Таким образом, сюжет о тенденции к неизменяемости географических наименований на *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* с 60-х годов стал пользоваться у лингвистов неослабевающей популярностью и порождать все новые и новые ошибки.

Нормы употребления склоняемых и несклоняемых топонимов на *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* были признаны нестабильными.

Каким вариантам фактически отдается предпочтение в устной и письменной речи?

Если поискать ответ на этот вопрос в научных публикациях, можно увидеть парадоксальные вещи.

Дело в том, что пример со словоизменительными особенностями географических названий на *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* наглядно демонстрирует негативное влияние так называемой кодифицированной нормы, когда новые, нераспространенные факты письменного языка поспешно возводятся в ранг типичных и правильных, и тем самым дается мощный толчок к их расширяющемуся устному употреблению.

Отдельные авторы, понимая, что «в целом количественное предпочтение в свободном употреблении остается все же на стороне склоняемых вариантов», настойчиво утверждают: «С точки зрения точности несклоняемые формы многим (кому? — Л.М.) кажутся более удобными»⁵.

Некоторые исследователи, перечисляя большое количество факторов, влияющих на изменяемость или неизменяемость рассматриваемых географических названий, то есть подчеркивая неустойчивость их грамматического оформления, делают, однако, в угоду тезису о пресловутом аналитизме не вполне логичный, но категоричный вывод: «Общее укрепление несклоняемости в морфологической системе литературного языка несомненно»⁶.

Широкое распространение несклоняемых вариантов у топонимов с формантами *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* свидетельствует о том, что выбор тех или иных форм (а именно выбор, отбор лежит в основе механизма нормирования) осуществляется в данном случае не носителями языка, а навязывается лингвистами.

Конечно, «роль филологических знаний вообще и роль филологов-русистов для нормального функционирования общества весьма значительна»⁷. Но специалисты, наверное, не должны высказываться слишком безапелляционно: «Мы не удовлетворены — скорее всего — компетенцией некоторых носителей языка, их неумением порождать правильные (т.е. отвечающие нормам литературного языка и требованию соответствия избранных средств целям коммуникации) тексты»⁸.

Недопустимо, чтобы языковеды забывали заветы великих русских ученых (А.А. Шахматова, В.И. Чернышева, Д.Н. Ушакова и др.): сначала надо и з у ч а т ь, к а к г о в о р я т, и только потом у ч и т ь, к а к г о в о р и т ь.

Ярким примером неразличения фактов письменной и устной речи являются публикации преподавателя Шуйского педагогического университета Ивановской области В.Н. Шапошникова, в которых, помимо многих других, упорно и

многократно освещается и проблема морфологической неизменяемости⁹.

В своих трудах автор исходит из верных предпосылок, но при этом делает ряд двусмысленных замечаний: «Морфологическое неразличение падежей было более развито в “центральной” — удаленной от конкретного топоса или официальной и близкой к ней речи, в профессиональной речи у транспортников и пр. ... Наоборот, менее подобной несклоняемости наблюдалось в речи свободной и не слишком отклоняемой спецмотивациями»¹⁰. Также он замечает, что «сферу несклоняемости и ее основу составляет прежде всего книжная речь, но не в первую очередь речь бытовая, обыденная»¹¹.

Самым рациональным способом изучения предпосылок к стиранию падежных противопоставлений В.Н. Шапошников справедливо признает рассмотрение различных сфер и фразовых условий, в которые попадают топонимы с формантами *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)*¹². С этим созвучно мнение некоторых исследователей (хотя и слабо мотивированное) о том, что на современном этапе существует жесткое и нежесткое жанровое распределение склоняемых и несклоняемых вариантов¹³.

В.Н. Шапошниковым развивается мысль и о том, что в настоящее время имеет место «новая диалектальность», которая предусматривает богатство живого материала, в том числе заставляет говорить о стремительно развивающемся аналитизме¹⁴. Однако что такое «новая диалектальность», не вполне ясно. Судя по всему, это широкое, «безразмерное» понятие — сюда включается и язык «малых» городов, и новейшее состояние говоров, и результат их воздействия на литературный язык.

В рассматриваемом В.Н. Шапошниковым случае с названием мультфильма *«Каникулы в Простоквашино»* нагрузка грамматического выражения, действительно, перекладывается с падежной формы (внутри слова) на лексико-синтаксические средства, на широкий контекст (вне слова), по ко-

торому только и можно узнать, что в *Простоквашино* — форма предложного падежа (*каникулы* где?). Для В.Н. Шапошникова застывшая форма в *Простоквашино* — это факт аналитизма.

Если внимательно рассмотреть название мультфильма, можно установить, что несклонение топонима обусловлено, как и во многих других случаях, эллипсисом (опущением) географического термина. Исходная конструкция выглядит следующим образом — в селе *Простоквашино*. При этом неизменяемость географического названия является в общем нормальной, ибо словосочетание характеризуется такой связью, как свободное примыкание, при котором несогласованное определение напоминает примыкание. В сочетаниях «географический термин + топоним» за именем собственным закрепляется лишь функция называния, связь с другими словами в предложении осуществляется с помощью флективных форм аппеллятива, то есть происходит обоимение форм, предназначенных для выражения грамматического значения отдельно от номинативной функции: «*Каникулы в селе Простоквашино*».

Таким образом, «модель окостеневаает, и собственное имя теряет грамматическую самостоятельность, становясь несклоняемой частью устойчивого словосочетания, где грамматическую нагрузку несет лишь детерминатив»¹⁵.

Несклонение топонимов на *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)*, если они являются приложениями к обобщающим словам типа *деревня*, *поселок*, *станция* и т.п., допускается даже грамматикой литературного языка¹⁶. Другое дело, что орфография в конструкциях «географический аппеллятив + топоним» отличается симптоматичной неустойчивостью¹⁷.

Конструкции типа «*Каникулы в селе Простоквашино*» могут сократиться: «Морфологически не изменяется номенклатурный знак (традиционно номенклатурным знаком называется не собственное имя, а географический термин, который в рассматриваемых сочетаниях склоняется. — Л.М.) особого рода — название технологически значимого

объекта: аэропорта, станции. В полном виде эти знаки неодносоставны: *аэропорт “Шереметьево”* — здесь имя собственное есть несклоняемый компонент. При усечении предшествующего компонента второй компонент выполняет его функцию (? — Л.М.), оставаясь несклоняемым»¹⁸.

Несклонение географического названия в данном случае противоречит действующим, пока не отмененным, грамматическим правилам, в соответствии с которыми топонимы с формантами *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* склоняются и в форме предложного падежа имеют орфографическое окончание *-е*, фонетическое — [ь] (в безударной позиции): *в Простоквашине* — *в Простоквашин[ь]*.

Но здесь возникает еще один вопрос: относится ли случай «*Каникулы в Простоквашино*» к фактам аналитизма? Ответ, скорее всего, будет отрицательным. Эллипсис географического термина и несклоняемость топонима — это, вопреки мнению некоторых исследователей¹⁹, лишь предпосылка для аналитизма, а не сам аналитизм, о котором можно говорить лишь тогда, когда имеется не только морфологическая неизменяемость слова, но и особая аналитическая конструкция, какие-то особые вспомогательные слова, например, предлог.

Хорошей иллюстрацией служит английский язык, аналитичность которого бесспорна. В нем у имен существительных есть только два падежа. Так, общий падеж представляет собой основу существительного без каких-либо окончаний. Отношение существительного к другим словам в предложении определяется его позицией или предлогом. Притяжательный падеж, обозначая принадлежность предмета, стоит пред определяемым существительным и принимает особую флексию *-s*, что является остатком синтетизма. Например, *the workers of this factory* («рабочие этого завода») — *this man's newspaper* («газета этого человека»).

Иными словами, в случае с «*Каникулами в селе Простоквашино*» и подобными ему аналитизма все еще нет — есть пока только несклонение как предпосылка к аналитизму.

Название мультфильма «*Каникулы в Простоквашино*» противопоставляется В.Н. Шапошниковым следующему объявлению: «*Сниму квартиру в районе Простоквашино*». Интерпретация последнего такова: «Объявление частное и речь личная, а не официальная или официозная: как хочу, так и говорю (объявления в газетах пишутся, а не произносятся. — Л.М.), т.е. говорю так, как чувствую реальность языка»²⁰.

Уже здесь налицо полное неразличение устной и письменной речи. По мнению автора, реальное Простоквашино, в отличие от Простоквашина из мультфильма, склоняется. Этот вывод представляется несколько поспешным.

Во-первых, в данном контексте *Простоквашино* — форма родительного падежа, которая в языковых условиях, характеризующихся аканьем — неразличением в безударном положении гласных [o] и [a], является неудачной иллюстрацией движения к несклоняемости: жители Таганрога в заударном окончании не произнесут -o, а только -ь. Аналогично следует объяснять и пример из *Чертанова*, записанный от москвичей.

Во-вторых, выше уже говорилось о возможности несклонения топонимов на -ов(o), -ев(o), -ин(o), -ын(o) при их употреблении с нарицательными обозначениями. Следовательно, можно писать *в районе Простоквашино*, но говорить все равно — *в районе Простоквашин[ъ]*. Попутно надо отметить, что пример В.Н. Шапошникова из *аэропорта Внуково* не доказывает, по уже указанным причинам, ни изменяемости, ни неизменяемости этого названия в устной речи.

Орфография объявления «*Сниму квартиру в районе Простоквашино*» представляет, по В.Н. Шапошникову, яркий пример того, как «местная пресса, при очевидных нормализаторских и унифицирующих установках, создает невольно некий новый речекультурный эффект (? — Л.М.)...»²¹. Непонятно только, каким образом региональная публицистика может стать источником «диалектного воздействия на жите-

лей местности»²², ведь она так или иначе нацелена в первую очередь на литературные нормы, знание которых не всегда бывает устойчивым. И это еще одно объяснение, почему в таганрогской газете возможно написание *в районе Простоквашина*.

Рассматривает В.Н. Шапошников и случаи, когда «по ходу передачи на центральном вещании предоставляют слово собственному корреспонденту *из Иванова*, а тот следом в репортаже произносит *в Иванове, из Иванова*»²³. Приведенная запись с очевидностью демонстрирует две вещи.

Во-первых, диктор центрального — московского — вещания, согласно нормам литературного языка, должен акать, то есть произносить *из Иванов[ъ]*, а у В.Н. Шапошникова получается, что, говоря *из Иванов[о]*, комментатор окает!

Во-вторых, можно предположить, что корреспондент из Иванова последовательно изменяет по падежам топонимы на *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)*. Следовательно, *из Иваново* — орфографическая запись, причем ошибочная (правильно — *из Иванова*), не имеющая, как, впрочем, и противопоставляемые В.Н. Шапошниковым примеры *из Комарова* — *из Комарово*²⁴, никакого отношения к анализируемому. И опять же: по форме родительного падежа нельзя что-либо утверждать о склонении или несклонении рассматриваемых географических названий в устной речи, как нельзя, например, говорить, исходя только из формы родительного падежа, что тот или иной носитель литературного языка не изменяет фамилии на *-ко*, где конечный гласный безударный: пишется — *нет Остапенко*, говорится — *нет Остапенк[ъ]*.

Об изменяемости (в письменной речи) географических названий с формантами *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* можно судить по примерам типа *в подмосковном Одинцове*²⁵.

Следовательно, если внимательно рассмотреть примеры В.Н. Шапошникова, то, вопреки его мнению, ни о каких «маленьких языковых казусах» и разрыве «номинации из Центра и непосредственно живой речи»²⁶ нет и речи. Казус

заключается в том, что исследователь не осознает разницы между буквой и звуком. И, к сожалению, не он один.

Анализируется В.Н. Шапошниковым и еще одна группа примеров, для которых констатируется «неморфологическое оформление склонения»²⁷. Здесь снова возникает много вопросов.

Прежде всего надо разграничить, чего автор не делает, факты устной и письменной речи. Для точной идентификации падежей необходимо расширить контексты: в *Иваново* — винительный или предложный падеж, ведь произношение этих форм может быть разным в *Иванов[ъ]* — *Иванов[ь]*, и тогда никакого несклонения нет, а может быть одинаковым — *Иванов[ъ]*, что свидетельствует о стирании падежных противопоставлений.

Если обратиться к орфографии, то для предложного падежа написание в *Иваново* — одно из возможных (наряду с предпочтительным в *Иванове*), а для винительного — единственно верное.

В газете можно (хотя и не желательно) писать *штурм Останкино*, говорить на радио — только *штурм Останкин[ъ]*. В связи с последним примером дается странное объяснение: «*Штурм Останкино* (в печати, а по радио звучит, так сказать, без кавычек, и звучало очень часто) (что это такое? — Л.М.)»²⁸.

Возможно, В.Н. Шапошников пытается высказать мнение о том, что несклоняемость собственных имен на *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* на письме должна быть продемонстрирована с помощью кавычек. В некоторых случаях это уже сделано: *районная управа «Бибирево»*.

Наверное, со временем придется признать целесообразность и таких «закавыченных» написаний, как *штурм «Останкино»*, *посуда из «Дулево»*, *колбасы из «Царицыно»*.

Таким образом, для обоснования своих слишком общих положений В.Н. Шапошников приводит скромный ряд примеров. У автора можно найти много неточностей, источник которых находится в непонимании того, что вопрос об утра-

те теми или иными словами падежного изменения можно обсуждать, опираясь только на факты живого, устного, бытования. Весь немногочисленный фактический материал, попавший в поле зрения В.Н. Шапошникова, не позволяет согласиться с его же выводом, о том, что «легкость и быстрота получения статуса морфологической несклоняемости составляет языковую примету времени»²⁹.

Правильным следует признать мнение Л.К. Граудиной, которое, хотя и высказано двадцать лет назад, но не потеряло своей актуальности: «В газете резко преобладают склоняемые варианты... В устной речи также предпочтение несклоняемых вариантов не может считаться доказанным»³⁰.

Поэтому в устной и письменной речи преждевременно отказываться от традиционных склоняемых форм так же, как и признавать несклоняемые варианты строго нормативными.

¹ См., например, труды обобщающего характера: Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского языка. Ч. 3. М., 1968. С. 56–57; Русский язык по данным массового обследования. М., 1974. С. 187–193; Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 330–333; Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М., 1996. С. 93–142.

² Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962. С. 53.

³ *Панов М.В.* О некоторых общих тенденциях в развитии русского литературного языка XX в. (основные позиционные изменения в фонетике и морфологии) // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 10–11.

⁴ РЯСО Ч. 3. С. 57.

⁵ *Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976. С. 138.

⁶ *Гловинская М.Я.* Просто оговорки или тенденция к аналитизму // Язык: изменчивость и постоянство. М., 1998. С. 307.

⁷ О состоянии русского языка. Материалы почтовой дискуссии // Русская речь. 1992. № 3. С. 44.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Шапошников В.Н. Число и падеж: новые явления в русском языке // Русский язык в школе. 1997. С. 84–85; Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М.: МАЛП, 1998. С.70–72; Шапошников В.Н. О территориальной и функциональной структуре русского языка к концу XX столетия // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 52–53.

¹⁰ Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х... С. 71.

¹¹ Шапошников В.Н. О территориальной... С. 52.

¹² Там же. С. 52.

¹³ Купина Н.А. Рец.: Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996. // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 136.

¹⁴ Шапошников В.Н. О территориальной... С. 52–53.

¹⁵ Граудина Л.К. Современная норма склонения топонимов (в сочетаниях с географическим термином) // Ономастика и грамматика. М.: Наука, 1981. С. 123.

¹⁶ Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 504–506.

¹⁷ Граудина Л.К. «С Москва-тур на Красное море!» (что-то новенькое в грамматике?) // Русская речь. 1998. № 3. С. 45–46.

¹⁸ Шапошников В.Н. Число и падеж... С. 84.

¹⁹ Ильина Н.Е. Рост аналитизма в морфологии // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 331.

²⁰ Шапошников В.Н. Русская речь... С. 71.

²¹ Его же. О территориальной... С. 53.

²² Его же. Русская речь... С. 53

²³ Там же. С. 71.

²⁴ Шапошников В.Н. О территориальной... С. 52

²⁵ Его же. Число и падеж... С. 85.

²⁶ Его же. Русская речь... С. 7.

²⁷ Там же. С. 71.

²⁸ Там же. С. 71.

²⁹ Там же. С. 70.

³⁰ Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М.: Наука, 1980. С. 158.